УДК 618.39-085.2/.3 : 343.621

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОПЕРАЦИИ ПО ИСКУССТВЕННОМУ ПРЕРЫВАНИЮ БЕРЕМЕННОСТИ: ВОЗМОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Мальцева Н.Н.[1], Морозова Е.А.[1], Левченко В.Е.[1], Новиков О.О.[1], Крикун Е.Н.[1]

[1]*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, e-mail: levchenko@bsu.edu.ru*

Ст. 123 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконное проведение искусственного прерывания беременности (далее ИПБ). Формулировка данной статьи представляется несовершенной и требует конкретики. Процесс применения данной нормы затруднен, что обусловлено высокой степенью латентности данного преступления. Проведенное исследование выявило, что требования, установленные российским законодательством для правомерного проведения ИПБ, должным образом не детализированы в УК РФ. Данное обстоятельство оставляет за пределами уголовно-правового регулирования подавляющую часть распространенных на практике разновидностей незаконного проведения такого рода операций. Авторами предложен законодательный подход к разрешению обозначенной проблемы. Внесение предложенных изменений в действующее законодательство, с одной стороны, позволит усилить ответственность медицинских работников за незаконное проведение искусственного прерывания беременности, а с другой – будет способствовать ограничению практики незаконных абортов.

Ключевые слова: искусственное прерывание беременности, криминальный аборт, ст. 123 УК РФ.

CRIMINAL LAW ASPECTS OF OPERATION OF ARTIFICIAL INTERRUPTION OF PREGNANCY: PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Maltseva N.N.[1], Morozova E.A.[1], Levchenko E.V.[1], Novikov O.O.[1], Krikun E.N.[1]

[1]*Belgorod State National Research University, Belgorod, e-mail: levchenko@bsu.edu.ru*

In article 123 of the criminal code stipulated criminal liability for illegal carrying out of artificial interruption of pregnancy (hereafter IPB). The wording of this article seems imperfect and requires detailing. The process of enforcement of article 123 of the criminal code is difficult, largely due to a high degree of latency of this crime. The study found that the requirements established by Russian legislation for the lawful conduct of IPB, not adequately reflected in the criminal code. This circumstance leaves outside the criminal-legal regulation the majority of widely used varieties of unlawful conduct such operations. The authors propose a legislative approach to resolve the problems identified. The proposed amendments to the existing legislation on the one hand will allow to strengthen responsibility of medical workers for illegally conducting abortion, and with another – will help to reduce the practice of illegal abortions.

Keywords: abortion, criminal abortion, article 123 of the criminal code.

Уголовное законодательство стран мирового сообщества включает в себя нормы, касающиеся криминального аборта, при этом законодательный подход к регулированию указанной области зависит от политического курса, культурных традиций, особенностей менталитета и иных религиозных, демографических, социальных или национальных факторов. Российская Федерация относится к числу стран с либеральным законодательством в отношении права женщины на репродуктивный выбор, и в частности – искусственное прерывание беременности (далее – ИПБ). У государства существуют свои демографические потребности, но до настоящего времени нет определенной, четко выработанной и целенаправленной политики, личность же обладает правом самостоятельно выбирать – участвовать ей в репродуктивных процессах или нет. По исследованиям к.ю.н. Л.А.

Лозанович, еще в 2004 г. в стране на 2 родившихся детей приходилось 5 абортов [8, с. 54], к 2013 г. данный показатель сократился в несколько раз и составил 0,5. Необходимо отметить, что свобода женщины в выборе модели репродуктивного поведения отнюдь не абсолютна. В соответствии со ст. 56 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» искусственное прерывание беременности на территории РФ по желанию женщины регламентировано и проводится только при сроке беременности до 12 недель, по социальным показаниям – до 22 недель, по медицинским показаниям – не зависимо от срока беременности [10].

Проблема искусственного прерывания беременности – одна из наиболее древних проблем, исследуемых в рамках медицины, философии, теологии и юриспруденции.

В современных условиях, несмотря на наличие определенных позитивных тенденций в сфере искусственного прерывания беременности, а именно сокращение их числа, ситуация все же вызывает обеспокоенность. Так, согласно официальным данным Росстата в период с 2009 по 2014 г. в России было зарегистрировано 6 609 381 абортов. Однако необходимо не упускать из виду тот факт, что в официальную статистику не входит самостоятельное медикаментозное прерывание беременности, а также аборты, проведенные в частных клиниках. В этой связи следует согласиться со специалистами: статистические показатели абортов в нашей стране с достаточной степенью уверенности в два раза выше официальных показателей. Усугубляет положение тот факт, что ежегодно более 30 тысяч российских женщин пополняют «армию бесплодных» в результате операции по абортированию. По неофициальным оценкам, количество криминальных абортов колеблется в пределах 10-15% от всех регистрируемых. По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, число лиц, осужденных по ст. 123 УК РФ, в указанный период составило всего 28 человек. Отсюда следует, что криминальные аборты, т.е. такие, которые образуют состав преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, составляют лишь малую часть от общего количества прерываний беременности.

Подобные невысокие статистические данные Судебного департамента при Верховном суде РФ вовсе не свидетельствуют о благоприятной ситуации в рассматриваемой сфере, а напротив, позволяют предположить латентность преступлений в области незаконного прерывания беременности, а также указывают на определенные проблемы применения названной уголовно-правовой нормы. О невыявлении рассматриваемого преступления высказываются и современные ученые-правоведы, например Л.А. Лозанович, С.И. Михайличенко уверены, что причина тому – несовершенство ст. 123 УК РФ в юридико-техническом аспекте [5, с. 12; 6, с. 18]. При этом С.И. Михайличенко обращает внимание на необходимость обеспечения единообразия правоприменения норм о преступлениях против

жизни и здоровья, в частности разграничить «смежные» между собой преступления, предусмотренные ст. 123 УК РФ (Незаконное проведение искусственного прерывания беременности) и ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка), исходя из определения конституционного начала человеческой жизни.

Помимо прочего, тема, затрагивающая уголовно-правовую охрану репродуктивной сферы жизнедеятельности человека в Российской Федерации, малоизучена и представляет научный интерес с точки зрения отечественного уголовного права. Возникает также необходимость тщательного правового анализа медицинских ведомственных нормативно-правовых актов по данной проблематике, а также изучения права женщины на репродуктивный выбор.

В Государственной думе Федерального собрания РФ тема, посвященная вопросам искусственного прерывания беременности, также является немаловажной и нередко становится предметом обсуждения на заседаниях парламентариев. Так, в период с 2010 по 2014 г. в Государственной думе РФ активно обсуждался законопроект, внесенный депутатами Е.Б. Мизулиной, О.Н. Епифановой, Е.И. Бычковой, В.В. Кулиевой, Я.Е. Ниловым, Д.В. Саблиным, С.А. Поповым, А.В. Чепой. Законотворческая инициатива перечисленных депутатов была направлена на усиление уголовной ответственности за незаконное проведение аборта, а также установление административной ответственности за искусственное прерывание беременности и нарушения права врача на отказ от проведения искусственного прерывания беременности. Однако следует констатировать, что все выше перечисленные законодательные инициативы не нашли поддержки в официальных отзывах ни Правительства РФ, ни Верховного суда РФ, а также получили критические замечания в соответствующих Комитетах ГД ФС РФ и впоследствии были отклонены.

Ввиду специфичности состава, предусмотренного ст. 123 УК РФ, и неоднозначности его понимания учеными-правоведами особый интерес обусловливают отдельные элементы незаконного проведения искусственного прерывания беременности. В частности, остановим свое внимание на анализе объективной стороны и субъекта состава преступления, ограниченного рамками ст. 123 УК РФ.

Объективная сторона состоит в активных действиях по незаконному проведению искусственного прерывания беременности. Для выявления критериев незаконности проведения ИПБ следует исходить из анализа правовых актов, регламентирующих правомерность (законность) подобных операций. Среди таких актов на современном этапе, в первую очередь, следует назвать Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [10], Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2012 г. «О социальном показании для искусственного прерывания

беременности» [7], Приказ Минздравсоцразвития РФ от 03.12.2007 № 736 (ред. от 27.12.2011) «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности» [8] и другие правовые акты.

Проанализировав обозначенную выше правовую базу, можно выделить следующие условия правомерности искусственного прерывания беременности:

1) ограниченные сроки. Проведение аборта при сроке беременности до 12 недель осуществляется по добровольному желанию женщины, т.е. в этот период женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. При сроке беременности до 22 недель государство позволяет сделать аборт по социальным показаниям. В связи с принятием и вступлением в силу в 2012 г. нового Постановления Правительства, отмеченного нами выше, круг социальных показаний был сужен до одного – беременность, наступившая в результате изнасилования. И наконец, независимо от срока беременности производство аборта возможно при наличии медицинских показаний, которые были установлены в 2007 г. Министерством здравоохранения и социального развития. К числу таких показаний, например, отнесено наличие у будущей матери активных форм туберкулеза либо новообразований (в том числе ранее удаленных злокачественных опухолей), не исключаются и заболевания органов чувств, нервной и других систем, течение которых в период беременности ухудшается;

2) проведение искусственного прерывания беременности только в медицинских организациях, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности, включая работы (услуги) по «акушерству и гинекологии (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)»;

3) наличие у лица, осуществляющего искусственное прерывание беременности, высшего медицинского образования соответствующего профиля (врач-акушер-гинеколог);

4) наличие информированного добровольного согласия женщины на проведение операции по искусственному прерыванию беременности.

В итоге незаконным признается проведение искусственного прерывания беременности, осуществленное в условиях, противоречащих перечисленным.

Исходя из анализа диспозиции ч. 1 ст. 123 УК РФ, субъектом рассматриваемого преступного деяния может выступать только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля (т.е. специальный субъект). Для таких лиц уголовная ответственность за незаконное проведение искусственного прерывания беременности наступает независимо от иных обстоятельств (согласие беременной, место совершения преступления и т.п.).

Субъектами незаконного проведения искусственного прерывания беременности могут быть: а) лица, имеющие высшее медицинское образование, но не соответствующего профиля (например, терапевт); б) лица, имеющие среднее медицинское образование (студенты старших курсов медицинских вузов); в) акушеры и медсестры; г) иные лица, не имеющие специальной медицинской подготовки.

Уголовный кодекс признает аборт незаконным только в случае, если он проведен лицом, не имеющим соответствующего медицинского образования. Как верно высказывается А.А. Ашин, «толкование ч. 1 ст. 123 УК приводит к выводу, что закон связывает основание уголовной ответственности не со способом проведения этой операции, а со специальностью виновного» [1, с. 371]. Соответственно, проведение аборта лицом, имеющем надлежащую подготовку (врач-акушер-гинеколог), с нарушением специализированных актов, регламентирующих порядок проведения таких операций (например, при сроке беременности свыше 12 недель, при наличии медицинских противопоказаний к проведению операции, вне медицинского учреждения), является не преступлением, а дисциплинарным проступком.

Таким образом, с принятием в 1996 году УК РФ незаконное производство ИПБ лицом, имеющим образование соответствующего профиля, было фактически декриминализовано. Следовательно, не может субъектом рассматриваемого преступления быть лицо, имеющее высшее медицинское образование по специальности «Лечебное дело», «Педиатрия», успешно освоившее послевузовское профессиональное образование (интернатура или ординатура) и сдавшее экзамен о присвоении ему квалификации специалиста «врач акушер-гинеколог» [4]. Парадоксально, но факт: наличие квалификации у виновного, совершившего искусственное прерывание беременности при нарушении всевозможных других правовых актов, регламентирующих правила и порядок проведения такой операции, исключает уголовную ответственность по ст. 123 УК РФ.

Л.А. Лозанович, анализируя подход законодателя к решению данной проблемы, пришла к выводу: «Большое количество регламентирующих прерывание беременности на разных сроках нормативных актов, обязательных для врачей-специалистов, так и осталось мертвыми нормами… по логике законодателя, если действия, ставящие в опасность жизнь или здоровье беременной женщины, исходят от врача, то это не является преступлением» [5, с. 117]. С. Тасаков и А. Шумилов также высказываются о том, что дипломированные врачи (акушеры-гинекологи) в случае пренебрежения элементарными правилами проведения операции аборта уголовную ответственность не несут [9, с. 69]. Аналогичную позицию в своих работах развивает и профессор Т.Н. Волкова, по мнению которой в большинстве случаев проведения искусственного прерывания беременности, *de facto* – криминального (незаконного), врачом-специалистом с грубейшими нарушениями медицинских требований

виновные лица наказываются лишь в дисциплинарном порядке. «Между тем при данных посягательствах подвергаются опасности наиболее ценные блага – жизнь и здоровье матери и ребенка (в тех случаях, когда аборты производятся на поздних сроках беременности)… налицо явно необоснованное ограничение объема защиты указанных прав», – утверждает Т.Н. Волкова [3, с. 8].

Изложенное позволяет сделать вывод, что правомерность (законность) искусственного прерывания беременности врачом-акушером-гинекологом презюмируется. В силу того что дипломированный врач не входит в круг возможных субъектов преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, при желании он безнаказанно (с точки зрения уголовного законодательства) может проводить искусственное прерывание беременности на любых сроках, либо вне специализированных медицинских организаций, либо в таких организациях, но без должного оформления проведенной операции. Заострив внимание на данной проблеме, мы стремимся показать, что в рассматриваемой правовой норме (т.е. ст. 123 УК РФ) наличествует пробел, который в сфере правоприменения влечет незаинтересованность правоохранительных органов случаями неправомерного проведения операции аборта врачами-специалистами, что способствует процветанию подобного вида криминального бизнеса, а также высокой латентности таких преступлений [2, с. 211].

В связи с этим законопроектом предлагается внести следующие изменения:

1) статью 56 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» дополнить абзацем, устанавливающим дополнительные условия неправомерности проведения искусственного прерывания беременности, в числе которых: проведение операции вне медицинского учреждения, получившего лицензию на осуществление медицинской деятельности, включая работы (услуги) по «акушерству и гинекологии (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)»; отсутствие у лица высшего медицинского образования соответствующего профиля (врач-акушер-гинеколог);

2) в статью 123 УК РФ «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности», устанавливающие ответственность за незаконное проведение искусственного прерывания беременности лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, при наличии следующих условий: при сроке беременности свыше 12 недель при отсутствии социальных показаний и (или) при отсутствии медицинских показаний; вне медицинских учреждений, имеющих лицензию на данный вид деятельности. Кроме того, в качестве квалифицирующих признаков незаконного проведения искусственного прерывания беременности выделить: отсутствие у лица высшего медицинского образования соответствующего профиля; отсутствие согласия беременной женщины на проведение операции по искусственному прерыванию беременности.

Предлагаемые законопроектом изменения позволят не только усилить ответственность за незаконное проведение искусственного прерывания беременности, но и будут способствовать ограничению практики незаконного проведения искусственного прерывания беременности, более эффективной реализации задач, связанных с охраной материнства и детства.

Проанализированные положения Уголовного кодекса РФ, Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», актов Министерства здравоохранения РФ, а также юридической литературы свидетельствуют о несогласованности отдельных положений российского законодательства в части уголовной ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания беременности. На наш взгляд, уголовная ответственность за рассматриваемое преступление *de jure* должна наступать и при нарушении отдельных условий, регламентирующих правомерность проведения искусственного прерывания беременности (в частности: срок беременности, согласие беременной женщины и др.). Однако российское уголовное законодательство сегодня еще не учитывает должным образом положения специализированных нормативных актов в этой области, что создает реальную угрозу и нередко влечет неблагоприятные последствия как в области охраны репродуктивного здоровья населения, так и защиты его прав в целом.

Список литературы

1. Ашин А.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. – испр., доп., перераб. – М. : КОНТРАКТ, 2013. – 781 с.
2. Биомедицинское право в России и за рубежом : монография / Г.Б. Романовский, Н.Н. Тарусина, А.А. Мохов и др. – М. : Проспект, 2015. – 368 с.
3. Волкова Т.Н. Правовая защита права на жизнь новорожденного // Законность. - 2004. - № 4. - С. 7-8.
4. Квалификационные требования для врача-акушера-гинеколога. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 23.07.2010 N 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения» // Российская газета. – 2010. - 27 сентября.
5. Лозанович Л.А. Незаконное производство аборта: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004. – 178 с.

6. Михайличенко С.И. Предупреждение незаконного производства аборта: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 185 с.

7. О социальном показании для искусственного прерывания беременности : Постановление Правительства РФ от 06.02.2012 № 98 // Российская газета. – 2012. - 15 февраля.

8. Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности : Приказ Минздравсоцразвития РФ от 03.12.2007 № 736 (ред. от 27.12.2011) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. - 2003. - № 9. - 3 марта.

9. Тасаков С., Шумилов А. Искусственное прерывание беременности (аборт). Уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 65-69.

10. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // Российская газета. – 2011. - 23 ноября; 2015. - 31 декабря.